

как панацея от террористической угрозы. Сомнительно, чтобы казнь остановила людей, взрывающих на себе пояса смертников.

История не знает сослагательного наклонения. Но всё же можно предположить, что раздели Климова участь лидера максималистов Соколова, повешенного на Лисьем Носу, она запомнилась бы исключительно фанатичной террористкой. Но вынесенный Климовой смертный приговор был заменён бессрочной каторгой. Она прожила короткую, но очень насыщенную жизнь, в которой были поразительные эпизоды: дерзкий групповой побег из тюрьмы, путешествие на верблюдах по пустыне Гоби и так далее. Головокружительные приключения сменялись спокойными и размеренными периодами эмиграции в Швейцарии и Франции. Климова пережила мировоззренческий кризис, пересмотрела то безразличие к жертвам террора, которое культивировалось среди максималистов. Григорий Кан предполагает, что стремление Натальи Климовой родить детей было косвенно связано с желанием загладить своё участие в кровавом покушении, дать новую жизнь взамен отнятой по её вине.

При чтении книги Григория Кана складывается впечатление, что автор вольно или невольно проникся симпатией к своей героине. Характерно, что он называет её не Натальей Климовой, а более фамильярно – Наташей. По его словам, перед обаянием Наташи не могли устоять не только соратники по борьбе с самодержавием, но даже жандармы – вплоть до начальника Петербургского охранного отделения: «Наташа, судя по многочисленным отзывам современников, была чрезвычайно обаятельной и привлекательной девушкой... И враги-жандармы, не исключая и самого Герасимова, готовы были сделать ей послабления, немыслимые для других заключённых» (с. 63).

Наверное, кто-то из читателей согласится, что Наталья Климова была неординарной личностью. Кто-то скажет, что её таланты и энергия послужили злему делу. Но равнодушные при чтении книги вряд ли найдутся. Автор не навязывает свою точку зрения. Характерно, что авторский текст занимает чуть больше половины книги. Другая половина – это приложение, в котором приводятся документы: личные письма, литературные произведения, дневники и воспоминания. Таким образом, автор даёт возможность каждому сделать свой собственный вывод о жизни и борьбе Натальи Климовой.

Дмитрий Рублёв: Для Климовой идеология максимализма не была чем-то существенным

Жизнь Натальи Сергеевны Климовой своей необычностью, драматизмом и насыщенностью событиями привлекала внимание мемуаристов, писателей, философов. Её жизненный путь стал сюжетом для произведений М.А. Осоргина и В.Т. Шаламова. Написанное Н. Климовой «Письмо перед казнью» вызвало интерес у выдающихся представителей русской общественной мысли – Л.Н. Толстого, С.Л. Франка, А.С. Изгоева. Между тем исследований, в которых рассматривается жизнь и деятельность Н.С. Климовой, её роль в эсеровском движении России начала XX в., совсем немного. Кроме энциклопедических статей¹⁶, единственная научная биография Натальи Сергеевны, написанная М. Мабийяр,

¹⁶ См., например: Павлов Д.Б. Климова // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 254.

появилась не в России, а в Швейцарии¹⁷. Книга Г.С. Кана стала, таким образом, первой на русском языке полноценной монографией, посвящённой судьбе Натальи Климовой. Предыдущая его работа была посвящена не менее известному деятелю «Боевой организации максималистов», уникальному мистификатору и провокатору С.Я. Рыссу¹⁸. В целом, по своему научному значению исследования Г.С. Кана вполне сопоставимы с книгами В.М. Лаврова о Марии Спиридоновой, К.В. Гусева о В.М. Чернове, Л. Прайсмана о Е.Ф. Азефе, а также – с документальной публикацией А.Ф. Савина о Е.С. Созонове¹⁹. Созданная им биография Климовой опирается на солидную источниковую базу, включающую как известные, так и впервые введённые в оборот документы. Материал собирался буквально по крупицам в Архиве Гуверовского института (США), в Архиве Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал», ГА РФ, НИОР РГБ, РГАЛИ, РГВИА, Государственном архиве Рязанской области, РГИА, ЦГИА СПб, ЦИАМ, в Архиве Дома Плеханова и Отделе рукописей РНБ. Привлекались автором и недоступные для исследователей документальные материалы из частных собраний, составившие большую часть обширного приложения, в котором опубликованы письма, воспоминания, наброски литературных произведений Климовой, а также отрывки из дневника влюблённого в неё К.В. Шиловского. Безусловно, эти источники в достаточно полной мере раскрывают творческий потенциал и особенности личности Натальи Сергеевны Климовой, её отношения с близкими людьми.

Максимально используя все возможности биографического жанра, Г.С. Кан удачно соединяет анализ политической деятельности и мировоззренческой эволюции Климовой, её внутренних переживаний, приобретённых в семье и социальной среде ценностей и представлений. Созданный им социально-психологический и исторический портрет Н.С. Климовой далёк как от мифов революционной героики, так и от склонности видеть в революционерах носителей разного рода социальных патологий, столь свойственной, к примеру, работам А.А. Гейфман. Автор довольно взвешенно подходит к оценке действий как правительственных, так и революционных сил в событиях 1905–1906 гг. Перешедшие к максималистам и анархистам представители интеллигентской и рабочей молодёжи, возмущённые жестокими расправами войск над восставшими и даже мирным населением Москвы в декабре 1905 г., действовали порой весьма жестоко по отношению к тем, кого считали виновниками «бедствий» рабочих и крестьян. Наряду со взрывом Боевой организацией максималистов дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 г., среди менее масштабных акций такого рода можно упомянуть и взрывы в одесской кофейне Либмана 17 декабря 1905 г., организованные анархистами из числа «террористов-безмотивников».

¹⁷ *Mabillard M.* La Fleur Rouge. Natacha Klimova et les maximalistes russes. Lausanne, 2007. См. также: *Мабийяр М.* Наташа Климова в источниках и исследованиях // Источник: Историографическое наследие провинции. Материалы IV научно-практической конференции, посвященной памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского. Рязань, 2009.

¹⁸ *Кан Г.С.* Правда и ложь Семёна Рысса. Историческое расследование // Архив еврейской истории. Т. 7. М., 2012. С. 153–224.

¹⁹ *Лавров В.М.* Мария Спиридонова: террористка и жертва террора: Повествование в документах. М., 1995; *Гусев К.В.* В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). М., 1999; *Прайсман Л.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001; *Это я виноват...: Эволюция и исповедь террориста: Письма Егора Созонова с комментариями.* М., 2001.

Авторы научных биографических исследований, как правило, далеки от равнодушно-объективистского восприятия своих героев. Г.С. Кан также не чужд доброжелательного, а порой и восторженного отношения к Н.С. Климовой, но это не мешает ему внимательно рассматривать противоречия её, безусловно, неординарной личности. Наталья Сергеевна так и не реализовала свои творческие способности. Ведь не считая её знаменитого «Письма перед казнью», среди документальных приложений в книге нет ни одного равнозначного ему произведения. Активная деятельность организатора и участника боевых групп, а затем сопряжённые с семейной жизнью хлопоты, кажется, поглотили все силы Натальи Климовой, не дав выхода её литературным способностям. К тому же, как признаёт автор, её интеллектуальный уровень был достаточно низок в сравнении, например, с Б.В. Савинковым: «Она, несмотря на интерес к философской литературе и оригинальность некоторых воззрений, так и осталась до конца своих дней под влиянием двух главных в её жизни мыслителей – Толстого и Ницше. Уровень образованности Климовой был не слишком высок, что хорошо понимала и она сама» (с. 107–108). Стоит ли тогда удивляться, почему З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский, удостоившие лестных оценок многих близких Наталье Сергеевне представителей эсеровских кругов²⁰, «оказались слепы, пройдя мимо яркого, глубокого и талантливого человека» (с. 113)? Для Климовой, «натуры до крайности романтической, увлекающейся и восторженной» (с. 108), далёкой от беспринципности и способной к состраданию, был характерен и авантюризм, порой граничащий с легкомыслием и жестокостью. Так можно охарактеризовать, в частности, её отношение к подготовке взрыва на даче П.А. Столыпина, завершившегося гибелью ни в чём не повинных людей. Первоначально оправдывая эту акцию, Климова впоследствии испытывала острое чувство вины за пролитую кровь, переживала суицидальные порывы, выразившиеся в стремлении к личному участию в откровенно авантюрных замыслах максималистов. Её артистизм, виртуозное умение вживаться в конспиративных целях в самые различные роли, обманывать жандармских офицеров и тюремную охрану, сочетались порой с удивительной наивностью. Так, для неё было характерно безграничное доверие к людям революционной среды, склонность увлекаться их самыми авантурными проектами, и вследствие этого она легко становилась жертвой ловких манипуляций. Это проявилось, в частности, в её отношении к С. Рыссу, планировавшему сделать карьеру тайного агента, а затем, войдя в доверие высших полицейских чинов, тайно организовать покушение на Николая II. Ради успеха этого замысла требовалось выдать полиции Н. Климову и Н. Терентьеву, которых ожидала казнь. Признавая полезность его действий для «благородных целей», Климова сохраняла безграничное доверие к Рыссу, несмотря на иное отношение к нему членов Исполкома Боевой организации максималистов и её лидера М.И. Соколова. Одна из организаторов знаменитого группового побега из Новинской тюрьмы, даже в начале 1910-х гг. продолжавшая рваться из эмиграции к террористической деятельности в Россию, она достаточно неожиданно уходит затем в личную жизнь и заботу о детях. По-видимому, автор прав, когда пишет, что одной из важных причин подобного завершения политической деятельности Климовой было то самое жизнелюбие («жажда жизни, ужас перед смертью» (с. 67)), которое переполняет её письма к родственникам из тюрем и эмиграции. Из книги Г.С. Кана можно сделать вы-

²⁰ См.: «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову. СПб., 2009.

вод, что для Климовой, безусловно разделявшей основные социалистические и народнические ценности, идеология максимализма не была чем-то существенным. Её интерес к этому движению был связан с радикализмом действий, романтикой подпольной борьбы, самопожертвования. Вероятно, немалую роль здесь сыграло и обаяние личности М.И. Соколова (Медведя). Не случайно в эмиграции Климова отходит от максималистов и примыкает к другой Боевой организации, на этот раз – эсеровской. В годы же Первой мировой войны она и вовсе переходит на умеренные политические позиции, поддерживая правое, «оборонческое» крыло эсеров.

Стремясь раскрыть реалии жизни и деятельности Климовой в социально-историческом контексте эпохи, Г.С. Кан освещает широкий круг проблем и малоизвестных сюжетов истории эсеровского и эсеров-максималистского движений. Так, он указывает, что одним из наиболее важных источников финансирования Партии социалистов-революционеров, как, кстати, и РСДРП, являлись не японские или немецкие деньги, а средства отечественных предпринимателей, видевших в революционерах ударную силу в борьбе за демократизацию политического строя России. Автор весьма убедительно показал связь эсеровских лидеров с миллионером-чаесторговцем Д.В. Высоцким, спонсировавшим деятельность партии (в том числе и её боевые акции), предоставлявшим эсерам работу в своей фирме, помогавшим переправить за границу бежавшую из тюрьмы Н.С. Климову. В какой-то мере выводы, сделанные Г.С. Каном, заставляют по-новому взглянуть на историю ПСР, в том числе на подоплёку фракционной борьбы, приведшей в 1906 г. к выделению максималистской оппозиции, недовольной не только идеологическими разногласиями, но и кумовством и клановостью в партийном руководстве. Автор книги прямо указывает на то, что в борьбе группировок и кланов за влияние в партии ведущую роль играли лица, связанные с фирмой Высоцкого (в том числе – его близкие родственники). «Создаётся ощущение, – пишет Г.С. Кан, – что грань между компанией “чайного короля” и ПСР являлась очень зыбкой, если вообще существовала... Клановость руководства комитета и большое влияние лиц, связанных с Д.В. Высоцким, бросаются в глаза» (с. 23). Конечно, и ранее исследователи упоминали о родственных связях лидера партии эсеров М.Р. Гоца с Высоцким²¹ и даже о случаях «оплаты эсеровского террора нажитыми на чайной торговле финансами»²². Но Г.С. Кан впервые обратил внимание на влияние и вес в ПСР всей группы лиц, связанных с кланом Высоцких, и, вероятно, этот сюжет ещё не раз привлечёт к себе будущих исследователей. Но стоит ли считать Высоцкого сторонником эсеров? Как известно, по крайней мере, однажды его фирма, в интересах дела, установила сотрудничество с силами противоположного лагеря. Так, ничто не помешало фирме Д.В. Высоцкого подавить забастовку в своём одесском филиале руками членов Союза Русского Народа. «В Одессе члены СРН препятствовали забастовкам в порту и на других предприятиях, – отмечает И.В. Омельяничук. – Характерный эпизод произошёл на чайном складе Высоцкого, где

²¹ См., например: *Будницкий О.В.* Михаил Гоц: от еврейского детства к боевой организации // *Архив еврейской истории*. Т. 7. М., 2012. С. 137–138.

²² *Хазан В.* О потомках российского «чайного короля» и еврейских деньгах. Документальное повествование // *Лехаим*. 2010. № 10(222)–12(224). См. также: *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 57; *Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln; Wien, 1978. S. 272–273.

рабочие потребовали прибавки к зарплате, мужчинам по 3 руб., а женщинам по 2 руб. в месяц. Владельцы склада согласились удовлетворить эти требования лишь наполовину, на что рабочие пригрозили забастовкой. В ответ «администрация пригласила семь человек союзников, которым поручила один из столов таможенного отделения, заявив, что и в будущем будет приглашать союзников. Рабочие, видя забастовку сорванной, просили управляющего Тауэра отказать союзникам, обещав работать на прежних условиях»²³. Интересно, знали ли эсеры об этом эпизоде и как они к нему отнеслись?

Ярослав Леонтьев: Между нечаевищиной и лампадкой

Как сказал однажды во время заседания существовавшего в 1990-е гг. «Левового исторического клуба» руководитель «Мемориала» А.Б. Рогинский, эсерам не повезло дважды: сначала в истории, а затем – в историографии. Правда, недавно на семинаре «Партия трагической судьбы» К.Н. Морозов утверждал, что подобную фразу слышал от покойного историка В. Миллера. Но так ли уж важно, кто произнес её первым, а кто вторым – суть дела от этого не меняется. Главное, афоризм стал расхожим. Историю, конечно, не перепишешь, а историографию подправить никогда не поздно, и возникновение своего рода сообщества «эсероведов» в столице и во многих других городах – наглядное тому свидетельство. К этому сообществу давно принадлежит и автор книги о Наталье Климовой – Г.С. Кан. Наталья Сергеевна не была исключением – о ней также не писали ни статей, ни монографий (если не считать вышедшего в 2007 г. исследования Мод Мабийяр), ни тем более популярных биографий для серий «ЖЗЛ» и «Пламенные революционеры». И всё же ей повезло несказанно больше других эсеров – она стала героиней романа Михаила Осоргина «Свидетель истории» и повести Варлама Шаламова «Золотая медаль».

В «Свидетеле истории», впервые вышедшем в 1932 г., главную героиню зовут Наташа, а фамилия узнаваема до неприличия просто – *Калымова*. И хотя главным свидетелем Истории в романе выступает о. Яков Кампинский (его прототипом, как установил литературовед О.Г. Ласунский, был реальный дальний родственник писателя), те, с кем приходится сталкиваться странствующему «бесприходному попу», – несомненно, звёзды первой величины. И Наташа, наряду со своим соратником и возлюбленным Михаилом Соколовым (в романе его кличка «Медведь» изменена на «Оленя»), далеко не последняя из них²⁴. Это понимал не только её всегдашний поклонник Михаил Осоргин, принимавший некогда активное участие в революционных событиях, но и многие его современники. В их числе идейный оппонент Климовой, «веховец» Александр Изгоев, входивший в моду литературный критик Корней Чуковский, ушедший из эсерства в православие Вадим Руднёв, меньшевик-идеалист Константин Шиловский, религиозный философ Семён Франк, назвавший Климову «упоенной Богом человеком» и «замечательной душой», и многие другие. Сам всесильный и умнейший начальник Петербургского охранного отделения,

²³ Омельянчук И.В. Рабочий вопрос в идеологии и практике российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 33.

²⁴ Подробнее о раскрытии прототипов романа см.: Леонтьев Я.В. Образы террористов эпохи Первой русской революции в художественной литературе // Сто лет спустя... Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию революции 1905–1907 гг. (Труды Государственного исторического музея. Вып. 162). М., 2007. С. 130–143.